

ИДАЛЕКО от наших писательских домов расположен Тимирязевский парк. Лет двадцать хожу туда гулять. Летом прогулки, зимой иногда лыжи. И двадцать лет наблюдаю незримую борьбу незримой администрации с незримыми бунтовщиками. Все это время администрация обновляет ограду, и каждый раз находятся люди, которые выламывают штакетник или, разрывая колючую проволоку, протыкают проход. Благодаря этим людям мы все и гуляем в парке.

Кажется, лет пять тому назад появилось уже бетонное ограждение. Все, решил я, больше здесь нельзя будет гулять. Вдруг — проходит два-три месяца — и в бетонной стене появляется дыра явно анархического происхождения. Потом еще одна, такая же. Я, как и все, возобновил прогулки. Еще через некоторое время раздумчивые хозяева парка, видимо, решив, что с этим ничем нельзя поделать, пригласили геометрически правильной формы и привели железные ворота. То же самое было сделано и со второй дырой.

Ладно. Следы анархии уничтожены. Стали ходить в парк, слегка косясь на гостеприимно распахнутые железные ворота. Но не верьте в гостеприимство железных ворот, не для того они железные, чтобы быть гостеприимными!

В один прекрасный день на обоих воротах появились амбарные замки. Все, опять решил я, кончились гуляния. Однако зимой, идя вдоль бетонной ограды, заметил под ней естественную щель над неровной поверхностью земли. Оттуда выплывали разноцветные лыжники и деконструктурированные лосины писателей с большими помпезными собаками на поводке. Прошло несколько месяцев — и в бетонной стене снова появилась дыра, равными краями напоминающая о своем анархическом происхождении. Кто сократил стену? Лыжной палкой невозможно. Собаке не прогрызть, хотя бы потому, что у нее нет на бетон генетической памяти.

Кто? Незримые. Через парк, сильно сокращая дорогу, многие люди ходят на работу и обратно. Видно, им это очень удобно, если они, скорее всего ночью, ломаясь, продавливают дыру. Но и хозяевам парка надо воздать должное за упорство. Шутка ли — сколько лет длится эта бесконечная борьба идей: заделать дыры, заделать дыры!

На первый взгляд загадочно, почему дыры не просто сразу наглухо заделываются, а прикрываются железными воротами, на которые через некоторое время (постоянно) навешиваются амбарные замки. Предполагать, что некоторым избранным вручен ключ от этих ворот, нереалистично. Я долго думал и наконец понял. Любая такого рода стихийная дыра, как ее ни заделывай, будет хранить следы своего бывшего значения. И новые поколения людей, стремящихся сократить дорогу на работу, снова возмущаются за дыры. Но есть и еще один вариант.

Заделывая дыры воротами, администрация как бы все время ищет высочайшего окрика: «Вы что, спятили? Откройте парк!» «А мы ничего, — в таком случае может ответить администрация, — у нас просто ворота, мы их можем и открыть».

Вход запрещен, но наличие входа нельзя опаривать. До высочайшего указания дело как-то не доходит. Скоро появляется новая дыра. А потом поставят и новые ворота.

Недавно, гуляя с трехлетним сыном в этом парке (через новую дыру проникли), встретил на дороге трех алкашек. Явно раздражены грудными сосисками с вышивкой. Сын бежит впереди в ярком комбинезончике.

— Космонавт! — обычно улыбаются встречные. Один из этих троих, заметив мальчика, хлестнул нас обоих молниеносным взглядом и раздраженно скривил губы.

— Пингвин на елке!

Я на мгновение увидел себя его глазами: благополучный тип благополучно прогуливает свое дитя.

Ребенок долго спрашивал потом у меня: — Почему дядя так сказал? Почему дядя так сказал? Пингвин на елочке!

Он что-то почувствовал, но дисгармония пока порождает только любопытство...

Скупой человек может быть умным, может быть талантливым, но он не может быть обязательным. Обязанность есть форма выражения щедрости. Щедрость есть наиболее полное выражение свободы. Обязательный ум — это ум, в котором особенно ярко чувствуется свобода от глупости.

Я часто замечал, что люди глупые и одновременно живые нередко проявляют умную находчивость. В чем секрет? Я думаю так: привычка ко лжи и необходимости постоянно выстраиваться на ложной ситуации натренировала их мозг в сторону необыкновенной подвижности умственных сил. Хотя у глупого человека сил этих мало, но ума мгновенно, собрав их в единую точку, он добивается на этой точке проницательности. Пока его умный оппонент соображает, что к чему, лжец вычерпывает — и уходит. Он хороший полководец своих малых умственных сил.

Люди часто путают возмозванную глупость с бурлящим умом.

Ум и мудрость. Ум — это когда мы самым лучшим образом решаем ту или иную жизненную задачу. Мудрость обязательно сопрягает разрешение данной жизненной задачи с другими жизненными задачами, находящимися с этой задачей в обзорной связи. Поэтому мудрость часто пренебрегает самым лучшим решением данной задачи ради чувства справедливости по отношению к другим задачам. Умное решение может быть и безразличным. Мудрое — не может быть безразличным. Ум — разит. Мудрость — утоляет. Мудрость — это ум, состоящий на совести. Такой коктейль многим не только не по плечу, но и не по нутру.

Когда-то, во времена кукурузной кампании, будучи молодым журналистом, работал в «Курской правде». Меня, человека, выросшего, можно сказать, на кукурузе, с одной стороны, радостно внимание к этой прекрасной культуре, но, с другой стороны, начали гнуть формы, которые принимала сама кампания. Кукуруза в Курской области расти не хотела, а ею упорно засеивали лучшие земли. То же самое было и во многих других областях. Я написал статью о безобразии этой кампанийщины и, думаю, достаточно четко обосновав свои аргументы, достаточно четко обосновав свои аргументы. Приехал в Москву останавливать кампанию.

Странно — не остановить не смог. Не смог даже опубликовать в статье. Показывал в редакциях редакциях, в том числе и в тогдашней «Литературке». Мне улыбались, говорили комплименты и как бы отсылали заниматься критикой по месту прописки.

Фазиль Искандер

Духовное здоровье общества определяется не степенью его сегодняшнего благосостояния, а степенью его реально ощущаемого движения к добру и правде.

О ДВИЖЕНИИ К ДОБРУ И О ТЕХНОЛОГИИ ГЛУПОСТИ

Я заскучал, но ненадолго. В родной Абхазии началась кампания по козлотуризации сельского хозяйства, и я написал повесть «Со звездием Козлотура», в которую вложил и некоторые наблюдения над кукурузной эпопеей Твардовский ее напечатал в «Новом мире».

Прошли годы. Волонтеризм кукурузной кампании был признан неразумным. То есть признали то, о чем писал я, и что с самого начала было видно всем. Допустим, что прогнозы той моей давней статьи были ошибочны, но ее тогда все же напечатали бы. Что бы случилось?

Слово писателя, журналиста, социолога, философа и слово министра, хозяйственника, партийного работника — это продукты разных сфер.

Слово министра — руководство к действию. Слово писателя — приглашение к раздумью. Но у нас нередко писатель возвращает министра с небес на землю, а министр, как писатель, пытается воздействовать на совесть.

Сюжет. Из пустыни время от времени доносится глас вопиющего. Почетный аксакал оазиса спрашивает у приближенных:

— Этот еще вопиет?

— Вопиет, аксакал!

— Что вопиет?

— Не так! Не то! Не о том!

— Прикажете, чтоб замолчал.

— Он нас не слушается.

— Прогоните дальше, чтоб не мешал трудящимся оазиса.

— Не уходите!

— Тогда выпустите его в наш оазис. Утощайте — зеленый чай, шербет, рахат-лукум.

Героический образ вопиющего в пустыне — отказался идти в оазис. Диалектический образ — пришел в оазис, подкрепился и ушел в пустыню вопиать с новой силой. Сатирический образ — принял приглашение и навсегда остался в оазисе. Для того и вопиал, чтоб пригласили.

Теперь совершенно ясно, что при возделывании любой пустыни надо оставлять клочок земли невозделанным, чтобы там мог жить вопиющий. С одной стороны, мы, конечно, при этом теряем небольшую часть пустыни, но, с другой стороны, пока оттуда доносится глас вопиющего, у нас гораздо больше шансов, что оставшаяся часть пустыни будет возделана честно.

Смотрел по телевидению передачу о картошке. Оказывается, колорадский жук наносит большой вред нашей картошке. Особенно она от него страдает в Рязанской области. Ученый, сообщивший об этом, добавил без тени юмора, что фазаны особенно охотно поедают колорадских жуков.

Следовало бы разводить фазанов, сказал он, чтобы избавить нашу картошку от колорадских жуков. Слушая эту передачу и веря своим ушам, я почувствовал, что у меня зачесались руки по новому козлотуру или туробазану.

В самом деле, если мы начнем разводить фазанов на неоглядных просторах картофельных полей, мы не только спасем картошку, но и решим мясную проблему, притом на самом высоком архаическом уровне.

Почувствовав преимущество мяса фазанов над остальными мясными продуктами, а не почувствовав этого мы не сможем, — мы уже будем выращивать картошку в основном только для разведения колорадских жуков, которые в свою очередь будут выкармливать несметные стада фазанов.

А как расцветят фазаны радужными красками пока еще сероватые картофельные поля? Да, сероватые, несмотря на обилие городских залетов. Далековато им до фазанов!

А какое очаровательное зрелище в самом недалеком будущем: шаловливая птичка (а не порода залетка) ходит по полям и легко догоняет жирных фазанов, накрывает сачком наиболее соевших из мясопродуктов. Мечта великих утопистов: труд и игра слились воедино!

А возмущение фазанов с колорадских полей во время местных и общесоюзных праздников? Тысячи разноцветных ракет взрываются в небо — и ни малейшей опасности пожара. Пожарники только поспевают, поглядывая на небо и потягивая носом.

Эх, фазан!

Однажды я рыбачил с некрупным (в смысле должности) профсоюзным деятелем нашего солнечного края. Некоторые незлобные странности этого маленького (в смысле физического роста) нервного усатого человека я тогда по молодости принимал за малозначительные профсоюзные комплексы.

Но рыбак он был великолепный. Во время рыбалки у него оборвались леска, и я обратил внимание, как он быстро связал оборванные концы каким-то неведомым мне, почти незамысловатым узлом.

— Покажите, как вы связали леску, — спросил я его.

Он взял со дна лодки кусок лески, разорвал ее, свел оборванные концы и быстрым неуловимым движением сделал ловкий узел и вытянул леску.

Я опять ничего не понял. Второй раз он манипулировал леской быстрее, чем в первый.

— Покажите еще раз, — попросил я.

Он связал леску еще быстрее. Я опять ничего не понял, но попросить повторить не решился.

В те времена он был намного старше меня, из чего не следует, что он умер, но следует, что с годами разница в возрасте делается все менее существенной. Теперь бы я попросил, конечно, но где та лодка, где рыбалка, где мы?

Потом я встретил его на одной вечеринке. Несколько раз, прерывая ход общего веселья, он вскакивал с места, уводил кого-нибудь в сторону и начинал с ним шептаться. Ублаговолит шепотом отозванного и ублаговолит сам, он возвращался в компанию, несколько обиневную значительностью непонятных дел, происходивших на ее глазах.

Вдруг он помянул меня. Я встал, показывая, что давно созрел для конспирации. Отвел меня в угол, он стал договариваться со мной относительно новой рыбалки. Компания тоскливо поглядывала на нас. Мне показалось странным, что он шепчется со мной о таких пустяках, тем более, что рыбалка не имела ни малейшего бравоверского оттенка.

Года через два я с этим профсоюзным деятелем случайно встретился в Твардовский. Я сидел в переполненном автобусе. Дверь была уже закрыта, но желающие ехать толпились возле нее, надеясь, что шофер отперет. И вдруг среди них разглядел старого знакомого.

Он стоял в стекле, а потом тыкая пальцем в высоко поднятый портфель, стараясь вынуть из него портфель, требовал немедленного перемещения. И шофер, сдаясь, его доконал этот фельдьеггерский жест.

Мой знакомец первым вскинул в автобус. Но сзади продолжала напирать толпа. Как только он ухватился рукой за поручни, он тут же стал ругать шофера за то, что тот выскочил из автобуса в переполненный автобус, забыв, что три секунды назад сам был одним из них.

И тут мне неожиданно открылось, то общество, что связывало три наши истории. Общей была тайна. Тайна ушла, так и оставалась нераскрытой, тайна секретарского шепота и тайна портфеля, в который он тыкал пальцем... Он был носителем Тайны.

А носитель Тайны, носитель неведомой информации всегда нам кажется умней, чем есть. Тайна — это второй ум человека, как бы до времени затаянный ум. Где плохо работает первый ум, там всегда много тайны.

Обыкновенное здравое суждение носителя тайны мы склонны воспринимать как большую мудрость. А глуповатое мы склонны оправдывать тем, что главные умственные силы у него уходят на более важное дело. На Тайну.

Один молодой ученый долго настаивал на том, чтобы защита его диссертации проходила при закрытых дверях. Почти добился, но в последний момент ему в этом отказали — и диссертация с треском провалилась. Тайна не состоялась.

Тайна устроит оппонента. Тайна вполне гуманно оберегает слабый ум от столкновения с сильным умом. Но она не вполне гуманна по отношению к сильному уму, ибо сильному уму в таких случаях нередко приходится биться головой о стенку.

Мы с другом рыбачили на моей лодке, которую я дал название «Чегем», еще сам того не ведая, что во мне уже зреет тема будущей книги.

Справа от нас, ближе к берегу, сгруппировались около пятнадцати лодок. Рыбаки время от времени ревниво поглядывали на соседние лодки, чтобы узнать, как у кого идет рыба. Иногда происходила таинственная перегруппировка всей флотилии.

Какой-нибудь рыбак замечал, что на другой лодке несколько раз подряд тащили хорошую рыбу. Зрелище вообще невнятное. Если же это наблюдение совпадало с промежуток, когда у него самого рыба не клеила, он потихоньку сминался с места и устраивался поодаль к той лодке, где рыба брала. Это перемещение было не оставалось незамеченным и другими временными неудачниками, и они сминались с места и устраивались поближе к нему.

Перемещение нескольких лодок не могло не встревожить остальных рыбаков, и даже если у них рыба неплохо клеила, они, решив, что стая отошла и на новом месте рыба будет клевать еще лучше, тоже сминались с места и пристраивались к переместившимся. А тот первый рыбак, не зная, что он сам и есть источник всех перемещений, вдруг спохватывался, что все перешло на новое место, а он один, как дурак, рыбачит на старом.

Он заводил мотор или садился на весла и, так как поблизости все места были уже заняты, да он и не стремился к близости, ибо не знал, как в какой близости надо стремиться, пристраивался к последнему в перегруппировке, при этом, как и все молча, делая вид, что сам прекрасно знает о причине всех перемещений. Такова технология мировой глупости.

Фото Н. КОЧЕВА

трубами теплоцентрали. Соотношение сил, характерное для наших дней.

Инженеры были в свежих рубашках, в галстуках и строго отутюженных брюках. Так что со стороны можно было подумать, что эти дефилирующие пикеты случайно остановились поглазеть на подменные работы. Думаю, что и сами инженеры не были чужды такой сверхзадаче. По выговору я понял, что один из них мингрелец, а другой абхазец. Рабочие снизу переговаривались с инженерами, и голоса их были совершенно несообразны глубине траншеи.

Мой друг вдруг заметил, что резинная прокладка, которой пользуются рабочие, не годится. Вода ее быстро раздует.

— Нужна паранитовая прокладка, — сказал он, — у меня дома она есть. Могу привезти.

— Без тебя знаем, — сказал один из инженеров, — иди своей дорогой!

По-моему, он не знал, что та прокладка, которой они пользуются, непригодна, и был профессионально уязвлен. А мой друг, не понимая этого, продолжал настаивать, чтобы они приостановили работу, а он съездит домой за паранитом.

— А этот фразер в нашем деле кумарит, — сказал один из рабочих и, пригвоздив чумазое лицо, посмотрел на нас с шельмоватым весельем.

Стронт из себя, — сумрачно заметил другой, не подымая головы, — я бы таких давил...

Мой друг продолжал настаивать на своем, и тут оба инженера вразумились и громко ругались, стали с угрожающей злостью подступаться к нему. Я вмешался между ними, одновременно пуская в ход абхазский язык. Я давно заметил, что если наш кавказец входит в раж, его можно осадить неожиданным переходом на его родной язык. Эффект внезапного появления патриарха.

Абхазец растерялся и замолк, а второй инженер с неожиданной дружелюбной деловитостью прищелкнул к рыбе, посерьезневшей из сачка моего друга.

— Если все делать по правилам, — уже мирно заметил абхазец, однако на родном языке, — нас слушником далеко занесет...

Он как бы намеревал на опасность приближения и истокам халаса.

Мы пошли дальше. Я подумал, что инженеры, вероятно, не такие уж глупые. Одним словом, хорошо, что все обошлось. Впрочем, забегав вперед, должен заметить, что мой друг оказался абсолютно прав. Через год трубу провало. Струя, пробив асфальт, выфонтанила на высоту двухэтажного дома.

Удаль. В этом слове ясно слышится — даль. Удаль — это такая отага, которая требует для своего проявления пространства, дали.

В слове «мужество» — суrowая необходимость, взвешенность наших действий, точнее, даже противодельствий. Мужество от ума, от мужицества. Мужина, обдумав и осознав, что в тех или иных обстоятельствах жизни, зашицай справедливость, необходимо проявить высокую стойкость, проявляет эту высокую стойкость, мужество. Мужество ограничено целью, цель продитована совестью.

Удаль, безусловно, предполагает риск собственной жизни, храбрость.

Но вглядевшись в понятие «удаль», мы чувствуем, что это неположенная храбрость. В ней есть самонадеянность, опьянение. Если бы устраивались состязания по мужеству, то удаль на эти соревнования нельзя было бы допускать, ибо удаль гришла бы, хватив допига.

Удаль требует пространства, воздух пространства накачивает искусственной смелостью, пьянит. Опьянению близка — копейка. Удаль — это пьяня, бегущая вперед. Удаль рубит налево и направо. Удаль — возможность рубить, все время удаляясь от места, где уже лежат побуревшие тобы, чтобы не задумываться: а правильно ли я рублю?

А все-таки красное море: удаль! Утоляет тоску по безмыслию.

Что такое уважение к человеку? Уважение есть признание субъективных усилий человека. Успехи умственных, нравственных, физических. Чем больше уважают человека, тем больше предполагают наличие его субъективных усилий. Уважение бывает ложным, но и тогда оно — следствие наших иллюзорных представлений о субъективных усилиях человека.

Ничего не знаю прекрасней поговорок о мужской дружбе, которую я однажды услышал от абхазского пастуха: «Будь ты горшея рубашкой на мне — и то бы не скинул тебя!»

Честным снится, что они бесчестны. Проснувшись — стыдится. Бесчестным снится, что они честны. Проснувшись — не удивляется.

К пятидесяти годам некоторые честные люди начинают нервничать: а стоило ли? Хотелось взобрать их криком: «Держитесь, братья, уже не так много осталось!»

Не всякая критика — мысль, но всякая мысль — критика. Мысль не имеет другой формы существования.

В некоторых наших журналах разговор редакторского работника с писателем напоминает разговор следователя с подсудимым. Следователь все ловит и ловит подсудимого на слове, а подсудимый все выкручивается.

В конце концов приходят к мирному соглашению, если подсудимый признает частичную вину некоторых страниц, делает более четкими свидетельские показания других и соглашается послать за решетку редакционного карандаша некоторые абзацы, в данное историческое мгновение журнального существования требующие изоляции.

Ничего, — утешает редактор, — потом в книге все восстановите.

Из этого следует, что абзацы наказаны и изолированы на небольшой срок, как бы за мелкое хулиганство.

После всего этого текст в целом амнистируется и отправляется в печать.

Гуляя по вилковскому поселку, набрал на дачном домике с чудным участком — царство яблонов и цветов. Особенно поразили меня какие-то цветы, походящие негероичной яростной свежестью: морное пламя.

Женщина вышла из дому и пошла вдоль участка. Когда она приблизилась ко мне, я, стоя за калиткой, спросил:

— Скажите, пожалуйста, что это за цветы? Женщина подняла голову, сумрачно посмотрела на меня, подумала, стоит или не стоит отвечать, и, решив, что нерентабельно вступать со мной в беседу, скрылась за деревьями.

Канье все-таки у нас недоброжелательные люди, подумал я, уже стыдился своего вопроса, но все еще продолжал стоять на месте, хотя пейзаж мимолетно.

Через минуту женщина снова появилась. Порывшись со мной, она остановилась и, подняв голову, спросила:

— Вы, кажется, что-то сказали? Я очень плохо слышу.

— Как называются эти цветы? — крикнул я, кивая на клумбу.

Лицо женщины расцвело от удовольствия.

— Сальвия, — протянула она мягко, — сальвия. Хотите, нарву вам букет?

— Нет, нет, — сказал я, — я только хотел узнать.

Цветы снова вспыхнули. Иногда стоит помедлить у места разочарования — глядишь, снова все задышит.

Человек интуитивно и разумно ощущает наличие в воздухе справедливости как некоего силового поля, превосходящего своей мощью силы несправедливости и зла. И это встраивает его, подымает, укрепляет дух.

Ощущение наличия этого силового поля подтверждают тысячи окружающих его вещей. Тут и понимание справедливости оплаты его труда для реальных сегодняшних условий, и чувство, что работаешь рядом с ним примерно так же ответственны за свой труд, как и он. Ощущение наличия этого силового поля должно у него возникать и тогда, когда он раскрывает газету или включает телевизор, приходит в поликлинику или домоуправление. Даже когда покупает достаточно хорошо испеченный хлеб.

Духовное здоровье общества определяется не степенью его сегодняшнего благосостояния, а степенью его реально ощущаемого движения к добру и правде. Когда есть это движение — и повышение благосостояния превращается в радостную наглядность наличия этого движения. Изначально так и было. Труд был добром. Материальное добро было следствием труда. Потом все перепуталось.

Если мы утверждаем, что есть движение к добру, и не чувствуем сопротивления зла, значит, наше утверждение — риторика, социологическое графоманство.

Движение к добру есть и движение против зла.